

Галя МАРКЕЛОВА По случаю одного юбилея

Книга "Поэт Бродский и художник Дронников" издана в Одессе в издательстве "Друк" поэтом Игорем Потоцким (другом художника Дронникова), содержит в себе статьи и воспоминания различных авторов, рисунки Дронникова, стихи Игоря Потоцкого, посвященные Дронникову, и является небольшим вкладом в "бродскиану" в канун его юбилея.

Прикоснуться, прижаться, зацепиться за краешек чужой славы — несомненный соблазн, дьявольское искушение, тем более что слава-то эта чистой пробы. Как на банковском слитке пропечатаны три девятки, так с именем этого поэта перед глазами встают кадры кинохроники получения премии, и ты внутренним слухом слышишь его голос, произносящий нобелевскую речь. Знаково, что на это событие он повязал галстук другого лауреата, так и не получившего свою премию (Бориса Пастернака). Вся многострадальная русская (советско-диссидентская) литература получала тогда эту премию вместе с ним, оттого-то так слитно с именем Иосиф Бродский — лауреат Нобелевской премии. Так трудно удержаться и не поддаться искушению озвучить, как ты дышал одним воздухом с ним, как курил одну сигарету, как случайно споткнулся о ноги будущего лауреата...

Именно поэтому я с великим недоверием отношусь ко всяким мемуарам, ко всему, что поднято с глубин памяти уже с оттенком нашего позднего знания, когда фокусируется не только собственно событие, но и личная заинтересованность (а вдруг и на мне заблестят блески тех золотинок или хотя бы отблеск той славы?).

И вдруг у меня в руках оказывается небольшая книга "Поэт Бродский и художник Дронников", изданная у нас, в Одессе, в издательстве "Друк", другом художника Дронникова поэтом Игорем Потоцким. Ценность этой книги в том, что это свидетельства без всякой оглядки. Эти рисунки сделаны с 1978 по 1996 гг. "Все рисунки с натуры, все сделано во время его выступлений. Техника разная, разная и бумага, вплоть до размеров открытки... Литографский карандаш, мягкий карандаш, грифель, кисть китайская, тушь, цветная шариковая ручка, фетр. И только в первых рисунках была подкраска в мастерской, чтобы передать его плещивость и небрежность его заношенной одежды. Мягкий, не по плечу большой, криво висящий пиджак, покрытый перхотью от волос, висящих, как патлы, — так просто и откровенно пишет Дронников. И далее: — Бродский прекрасно знал и видел, что я рисую".

Тем эта книга как раз и ценна, что все зарисовано и записано документально и от чистого сердца, автор жалеет только о том, что не записывал строки стихов, которые читал в это время поэт. Но вот интересно, что когда берется вспоминать талантливый человек, которому подарено емкую жизнь и столько встреч, то концентрация фактов становится предельной. Жизнь русской эмиграции в Париже, судьбы стольких значимых фигур русской истории и культуры проплывают перед глазами. Тут и портрет Синявского, Кишилова, Максимова, Н. Струве, Эткинда переплетаются с воспоминаниями о Веронике Шильц, подруге, опекавшей Бродского и после его кончины. И очень честный рассказ Евгения Голубовского о причине пребывания Бродского в Одессе, и настроении поэта в тот последний, прощальный вечер органично входят в канву повествования. Превосходно и то, что не обошли издатели и скандального стихотворения Бродского "На независимость Украины", прочитанного 28 февраля 1994 в США.

Эссе Игоря Кричука об этом событии заканчивается, на мой взгляд, пророческим пассажем: "Его стихотворение — заметный пограничный столб, демаркирующий едва наметившуюся границу, в то время как ее не отваживаются или демонстративно не хотят замечать многие политики. И вместе с тем, здесь Бродский в который раз ставит под сомнение саму возможность наличия пограничных столбов не на местности, а в культуре". Поэты действительно живут в особом пространстве, созданном ими непосредственно, в континууме поэзии. И границы его никак не совпадают с пограничными столбами и боем курантов.

Но да простит меня
Читатель добрый, если кое-где
Прибавлю к правде элемент искусства,
Которое, в конечном счете, есть
Основа всех событий (хоть искусство
писателя не есть искусство жизни,
а лишь его подобье).

"Посвящается Ялте", И. Бродский

Поэт был в нашем городе. Вот что он свидетельствует:
И по восставшей в свой кошмарный рост
Той лестнице, как тот матрос,
Как тот мальпост,
Наверх, скребя
Перила, скулы серебра
Слезой, как рыба, я втащил себя.

"У памятника Пушкину в Одессе"

И прекрасно, что именно в Одессе вышла такая книга в канун семидесятилетия со дня рождения поэта, который отмечен 24 мая и в Петербурге, и Париже, и в Венеции, и в США, везде, где ценят "изящную словесность", как принято было говорить раньше. Интересно, как это событие отмечено в Одессе, городе, который раньше так неоднозначно отнесся к поэту.

Валентина ГОЛУБОВСКАЯ И больше звуков нет на целом свете...

Прошли те времена, когда стихи и даже поэмы запоминались легко, "с листа". Теперь во время бессонницы пытаешься вспомнить стихотворение, но наряду с запомнившимися сразу строчками возникают лакуны. Мучительно пытаешься их вспомнить, чтобы все строки и строфы стройно уложились в голове. Включать свет не хочется. Но, зная, что последнее из произшедших тебя стихотворений непременно придет к тебе ночью, я придумала простой способ, не включая свет, повторять и запоминать оказавшиеся на околице памяти строчки. Распечатанное стихотворение я кладу в ящик стола, за которым сижу на кухне в темноте, с сигаретой и остывшим чаем, затем, подсветив мобильным телефоном листик со стихами, наконец, запоминая все строки. Стихотворение становится "моим", оно поселилось или проросло во мне, теперь можно каждую строчку, каждый образ, каждый его звук и знак высвечивать крупным планом, замечать детали, не оцененные в ярком свете дня.

Так было и со стихотворением "Млечный путь. И в поисках ночлега век из века тащится телега..."

Я люблю стихи Юрия Михайлика. Люблю давно — и те, что были написаны в Одессе, и те, что он пишет в Сиднее. Вот одно из последних стихотворений:

Млечный Путь. И в поисках ночлега
Век из века тащится телега.
Притяжение и отторжение —
Лучший принцип для передвиженья.
По обломкам рухнувших империй,
Через гравий вер и суеверий —
Колеса дробящее круженье —
Отторжение и притяжение.
Это было болью и любовью,
Нашей старинной и нашей новью
На камнях Египта или Рима...
Все теперь без нас. Отдельно. Мимо.
Ибо нам разрешено судьбою
Только то, что можно взять с собою,
И от Вавилона до Гранады
Виноватых нам искать не надо.
Граждане цыганские евреи,
Мы играли в этой лотерее,
Мы галдели в этом балагане,
Граждане еврейские цыгане.
Странники, изгнанники, бродяги...
Ямы, рвы, канавы и овраги...
И повсюду нам принадлежали

Только те, кто в этих рвах лежали.
По золе Варшавы, сквозь руины,
Через смертный морок Украины, —
Только то, что можно взять с собою.
Что там — кроме нежности и боли?
Что там — кроме памяти и муки —
В узелковых письменах разлуки?
Притяжение и отторжение —
Мировая формула движенья.
Было болью. Остывало былью.
Звездной солью.

И подзвездной пылью.
Альтаир, Арктур, Капелла, Вега —
Век из века в поисках ночлега.
Грозный гул. Кибитка кочевая.
...Блеск костра меж звезд опознавая...

Через все стихотворение длится колеса дробящее круженье — от рек Вавилонских до смертного морока Украины.
... "Узелковые письма разлуки" — первая ассоциация, далекая, — давно исчезнувшее узелковое письмо древних инков. Вроде бы не к месту случайная ассоциация. Но разве не исчезла идишистская культура европейского еврейства, сгинувшая вместе с обладателями этого языка в газовых камерах?..

Алик Бейдерман перестал писать стихи на идиш — некому их читать. Некому. "Узелковые письма разлуки". Завязать узелок на носовом платочке, чтобы не забыть. Сколько нужно (и нужно ли) платочков и узелков?..

"Узелковые письма разлуки" — миллионы узелков и миллионы с узелками, в которых было только то, что "можно взять с собою". От вавилонского "разрешения" взять с собой ничемные тряпки и никому, кроме плененных иудеев, не нужные музыкальные инструменты — до зловещих приказов обреченным на гибель "взять с собою" во всех оккупированных городах и местечках...

Когда читаешь стихи в письме, в книге, сначала погружаешься в его содержание, в его смысл, потом откликаешься на то, как это сделано, хоть, конечно, эти два озарения — смыслом и формой — происходят и мгновенно. Но мне всегда нужно прочесть стихи, словно изнутри, своим безмолвным голосом бессонницы. Тогда открывается потаенное звучание стиха. Так, признаюсь, только выучив наизусть "Большую элегию Джону Донну" Бродского, я проник-

ла в волшебство ее звукописи, особенно первой части, где звук "с" завораживающе звучит в каждой строчке, иногда по несколько раз. Он рифмуется со свечой, стаканом, стеклом, ступеньками, столом, спинкой стула, склонами гор, садом, сугробами, сводом, силлабами стихов, страданиями...

Он рифмуется с вселенским мистическим Снегом, Сном, Смертью...
"И больше звуков нет на целом свете".

Так в стихотворении, читая его наизусть, я обнаружила еще одно "притяжение и отторжение" — звуков "р" и "л". Эти многочисленные "л" и "р" в русской речи стихотворения невольно заставили вспомнить и строчки Бродского "Блуждает выговор еврейский на желтой лестнице печальной", и уменьшительный суффикс в словах на идише — "момэле", "бобэле", "киндерле", рыжий Мотэле, наконец...

Трагическое "колеса дробящее движенье" — через гравий рассыпающегося, расщепленного времени — усиливается многократно звучащим "р":

Граждане цыганские евреи,
Мы играли в этой лотерее,
Мы галдели в этом балагане,
Граждане еврейские цыгане.
Странники, изгнанники, бродяги...
Ямы, рвы, канавы и овраги...
И повсюду нам принадлежали
Только те, кто в этих рвах лежали.
По золе Варшавы, сквозь руины,
Через смертный морок Украины...

Дальше — неизлечимая и неизмеримая печаль, тихая печаль, окутанная звуком "л" последних строк стихотворения: Было болью. Остывало былью. Звездной солью.

И подзвездной пылью.
Альтаир, Арктур, Капелла, Вега —
Век из века в поисках ночлега.
Грозный гул. Кибитка кочевая.
...Блеск костра меж звезд опознавая...

Почему-то эти "эр" и "эль" родного языка" показались мне похожими на обкатанные и с острыми зазубринами камни, с которыми тянется, кажется, бесконечная череда людей в финале "Списка Шиндлера"...

Сергей АЛЕКСАНДРОВ Стихи для новой книги

Уже подходит к дате
срок условный,
Хотя любые ветры по плечу.
Я поднимаю руку —
дайте слово,
Я не сказать,
я высказать хочу!

У солнечной короны
По памяти, без нот
Малютка жаворонок
Отчаянно поет.
И, кажется, отменно
Взлетая в небосвод,
Он держится на песне,
Умолкнет — упадет!

Неизмеримый в метрах,
Секунд незримый счет
Летит, как кинолента,
Пред солнечным лучом.

От первой ноты детства
До примиренья уст
Мы все герои действия,
Хоть зал Вселенной пуст.

И потому я верю,
Не в шутку, а всерьез, —

Что к нам приходит Время
От циферблата звезд.

А здесь морские воды
Вновь на круги свои
Наматывают годы,
Историю Земли.

И радужность, и горе
Растаявших минут
Дождем впадают в море
И в нем еще живут!

В него впадают горы,
Шумящие леса.
Душа впадает в море,
Как птица в небеса.

Душа впадает в ересь, —
Летя за оком,
Она безумно верит
В зачатие свое!

Все возвращается обратно,
Слова и песни, и цветы,
Когда встречаются ребята
Семидесятой широты.
И время спрашивать не надо,
Как оставаться в нем

людьми.
Когда мы вместе —
мы команда
Надежды, Веры и Любви.

Не проиграли жизнь
в наперстки,
Хоть тяготит душевный смог.
Распяты мы
на перекрестках
Всех направлений и дорог.
В нас все неясно и неточно,
И лишь слеза

смывает грим.
Прости нас, господи,
за то, что
Мы ради слова говорим!
Простим друг друга
не для виду
За все ошибки сгоряча.
Какие могут быть обиды,
Кода в душе горит свеча...

На смерть Б. Нечерды

Петляли мокрые аллеи.
Качался траурный мотив.
Путь творческий
был параллелен
Его последнему пути.
До всхлипа
в горле пересохшем,
Рыдали жены и друзья.
Кричали птицы.
Лишь усопший
Лежал, дыханье затая.

Не целясь точно,
без разбору,
В копеечку, как в белый свет,
Толпа
цыганских кредиторов
Просила яростно монет.
Платили все.
Под вспышки блицев,
Топча тропинки и кусты.
Как будто можно

откупиться
От предстоящей темноты...
Ушла под землю
субмарина,
Скользнув
с натянутых концов.
Там отпечатается в глине
Его последнее лицо.
И напечатается в газете
Слезой прошитый некролог.
И кто-то комнату

проветрит,
Где он еще пожить бы мог.
И будет жизнь
метаться в русле,
Стирая строки на песке
На украинском
и на русском,
На человеческом языке!
Не остановится течение...
Но в глубине

прошедших дней
Лежит монета возвращенья
С неясным
профилем на ней...